

Научная статья

УДК 82

DOI 10.25205/2713-3133-2025-2-46-58

Рецепция китайской культуры и литературы в творчестве Германа Кочурова

Екатерина Владимировна Сенина

Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации
(МГИМО МИД России)
Москва, Россия

e.senina@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4724-7890>

Аннотация

Китайская литература стала для русских писателей-эмигрантов не просто источником знаний о Китае, она стала мощным источником металитературной рецепции. Под металитературной рецепцией понимается восприятие писателями-эмигрантами литературной традиции Китая, т. е. создание образа восприятия литературы Китая. Речь пойдет об усвоении тем, мотивов, образов, сюжетов, жанровых и стилевых форм китайской литературы в целях обогащения своего писательского арсенала традицией чужой культуры и обнаружения точек соприкосновения этой чужой культуры со своей. Процесс металитературной рецепции начинается в Харбине с переводов китайской классической литературы, следующими этапами стали стилизация, переосмысление классических сюжетов, переводы современной литературы. В статье делается акцент на изучение образов восприятия Китая и китайцев в творчестве малоизученного дальневосточного писателя-эмигранта Г. Кочурова. Основным способом металитературной рефлексии китайской культуры Г. Кочурова стала гибридная форма стилизации. В своем первом романе писатель подражал английскому модернистскому роману, позднее – стилистике китайского классического романа. Анализ процесса металитературной рецепции китайской культуры русскими писателями-эмигрантами позволил сделать вывод о том, что богатейший арсенал китайской литературной традиции, образности, сюжетики, безусловно, обогатил литературу русского Китая, придал не только экзотический колорит, но и убедительную фактурность и лаконичность лирике, а в прозе продуцировал специфические повествовательные стратегии. Историческая и географическая логика развития культурной жизни дальневосточной эмиграции определяла то, что металитературная рецепция китайской традиции началась в Харбине с лирики, а завершилась в Шанхае созданием таких довольно сложных жанровых образований, как гибридная форма стилизованного романа. Подобный опыт металитературной рецепции китайской культуры был более плодотворным, соединил в образе литературного Китая древность и современность, точки зрения самих китайцев на себя и образ восприятия Китая европейцами.

© Сенина Е. В., 2025

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2025. № 2. С. 46–58

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 2, pp. 46–58

Сенина Е. В. Реценция китайской культуры в творчестве Г. Кочурова

Ключевые слова

литература русского зарубежья, китайская литература, Г. Кочуров, стилизация, художественная этнография

Для цитирования

Сенина Е. В. Реценция китайской культуры и литературы в творчестве Германа Кочурова // Сюжетология и сюжетография. 2025. № 2. С. 46–58. DOI 10.25205/2713-3133-2025-2-46-58

**The Reception of Chinese Culture and Literature
in the Work of German Kochurov**

Ekaterina V. Senina

MGIMO University
Moscow, Russian Federation

e.senina@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4724-7890>

Abstract

Chinese literature became not just a source of knowledge about China for Russian emigrant writers – it became a powerful source of meta-literary reception. The meta-literary reception is the perception of Chinese literary tradition by emigrant writers, that is, the creation of an image of perception of Chinese literature. It is about the assimilation of themes, motifs, images, plots, genre and style forms of Chinese literature in order to enrich the creative arsenal with the foreign tradition and to discover the points of contact between this foreign culture and their own. The process of meta-literary reception begins in Harbin with translations of Chinese classical literature, followed by stylisation, reinterpretation of classical stories, and translations of contemporary literature. The article focuses on the study of images of perception of China and the Chinese in the work of the little-studied Far Eastern emigrant writer G. Kochurov. The main way of G. Kochurov's meta-literary reflection of Chinese culture was a hybrid form of stylisation. In his first novel, the writer imitated the English modernist novel, later - the stylistics of the Chinese classical novel. The analysis of the process of meta-literary reception of Chinese culture by Russian emigrant writers has allowed us to conclude that the rich arsenal of Chinese literary tradition, imagery, and plot has certainly enriched the literature of Russian China. It has given not only exotic colour, but also convincing texture and brevity to the lyrics, and has produced specific narrative strategies in prose. The historical and geographical logic of the development of the cultural life of the Far Eastern emigration determined that the meta-literary reception of the Chinese tradition began in Harbin with lyrics and ended in Shanghai with the creation of quite complex genre formations, such as the hybrid form of the stylised novel. This experience of meta-literary reception of Chinese culture was more fruitful, combining antiquity and modernity in the image of literary China, the viewpoints of the Chinese themselves and the image of the perception of China by Europeans.

Keywords

Russian abroad, Chinese literature, German Kochurov, literary stylization

For citation

Senina E. V. The Reception of Chinese Culture and Literature in the Work of German Kochurov. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2025, no. 2, pp. 46–58. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2025-2-46-58

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2025. № 2
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 2

Не случайно литература признается одним из способов познавательной деятельности, в меньшей степени, чем наука. Писатель, воспринимающий чужой этнос, может постигать культурную и литературную традицию другого этноса посредством книжного знания или опираться на непосредственное погружение в чужую культуру, ее быт, традиции, обычаи. В отличие от ученого-этнографа, вооруженного в идеале знанием языка изучаемого этноса и исследованиями ученых-предшественников, писатель имеет большую свободу действий. В его распоряжении, помимо арсенала научных знаний, литература и литературная традиция изучаемого этноса.

Приступая к художественному освоению чужой страны и населяющих ее народов, русские писатели-эмигранты в Китае осуществляли свои интенции разными путями в зависимости от художественной установки, предшествующего опыта, возможностей. Одни, имеющие за плечами богатый эмпирический багаж общения с населением Северной Маньчжурии и Дальнего Востока, опыт научной работы, владея, как правило, китайским языком, продолжили свои изыскания уже в беллетристическом ключе (Н. А. Байков, П. В. Шкуркин, М. В. Щербаков); более молодые обратились к изучению китайского языка в высших учебных заведениях Харбина (В. Перелешин, Н. Светлов и др.) [Эфендиева, Пышняк, 2014, с. 137–140], некоторые сами отправились собирать этнографический материал (В. Март, позднее – Б. Юльский), увлеклись восточными религиями (А. Хейдок) [Забияко, Эфендиева, 2009, с. 175–194]. Но в целом книжно ориентированная русская культура, которую русские писатели-изгнанники наследовали и развивали в зарубежье, сподвигла их практически всех к обязательному освоению и усвоению литературы, приютившей их страны, насчитывающей более 5000 лет только письменной культуры.

Китайская литература стала для русских писателей-эмигрантов не просто источником знаний о Китае, она стала мощным источником металитературной рецепции. Под металитературной рецепцией понимается восприятие писателями-эмигрантами литературной традиции Китая, т. е. создание образа восприятия литературы Китая. Речь идет об усвоении тем, мотивов, образов, сюжетов, жанровых и стилевых форм китайской литературы в целях обогащения своего писательского арсенала традицией чужой культуры и обнаружения точек соприкосновения этой чужой культуры со своей.

Процесс металитературной рецепции подробно исследован нами в статье «Металитературная рефлексия китайской культуры в творчестве дальневосточных эмигрантов» [Сенина, 2018]. Мы пришли к выводу, что он начинается с *переводов китайской классической литературы* (Л. В. Арнольдов «Китай, как он есть», 1933, И. Г. Баранов «Узник», 1920, Ю. К. Граузе «Книга перемен, И-цзин», В. М. Широкогоров и др.) [Хисамутдинов, 2000, с. 37–345]. Первоочередное внимание было обращено к «безбрежному океану» китайской классической поэзии (Ф. Камышнюк [Ли Иннань, 2009, с. 19], Я. Аракин [Бузуев, 2013, с. 111; Сенина, 2021], М. Светлов [Забияко, Эфендиева, 2009, с. 185], супруги А. Н. и И. И. Серебренниковы [Серебренникова, Серебренников, 1938], А. Ачаир [Забияко, 2015б]. Валерий Перелешин был, без сомнения, мастером переводческого искусства китайской лирики [Забияко, 2015а, с. 186].

Популярным и творчески плодотворным способом жанровой рецепции китайской лирики стала *стилизация*, под которой подразумевают «намеренную

и явную имитацию того или иного стиля, полное или частичное воспроизведение его важнейших особенностей» [Долинин, 1987 с. 419] (А. Ачаир («Ханьчжоу»), Л. Андерсен («Нарцисс»), М. Щербаков («Стихи императора Юань-Хао-Сянь»), Вс. Иванов («Дракон») и др., см. [Забияко, Эфендиева, 2009, с. 136]).

Образ восприятия «чужого» и в этническом, и в художественном сознании предполагает в первую очередь проекцию внутрь «своего». Среди типологических форм, отражающих процесс металитературной рецепции китайской культурной традиции в лирике (переводов, двойных переводов, стилизаций, имитаций), Ли Иннань называет использование художественной образности китайской поэзии [Ли Иннань, 2009, с. 26].

При анализе металитературной рефлексии необходимо обратить внимание на примеры *переосмысления китайских классических текстов* (Б. Волков, цикл стихов «Дракон, пожирающий солнце», Ю. Крузенштерн-Петерец, «Ян Гуэй-фэй») [Там же, с. 28]. Переосмысление «чужих» форм, «чужих» образов традиционной поэзии, «вдыхание» в них «своих» коннотаций становится наиболее плодотворным способом восприятия китайской лирической традиции («Лаконизм» А. Ачаира (1939)).

Помимо обращения к лирике, русские писатели-эмигранты осуществляли переводы китайской прозы. В 1921 г. П. В. Шкуркиным был сделан художественный перевод китайских легенд [Шкуркин, 1921], сопровождающийся этнокультурными заметками [Забияко, 2015г]. Не случайно харбинское издание сразу же попало в круг чтения революционных деятелей – в музей в «Ленинских горах» эта книга представлена одной из последних, прочитанных В. И. Лениным.

Талантливым «воспринимающим сознанием» в отношении переводов с китайского обладал М. Щербаков (1890–1956). В частности, в 1924 г. в «Балтийском альманахе» [Щербаков, 1924] публикуются его «Шанхайские миниатюры» с подзаголовком «Переводы с китайского» (при этом авторский подзаголовок – «Из китайских анекдотов») [Забияко, 2015в].

Практически первым из русских писателей-переводчиков Щербаков обратился к творчеству Лу Синя – зачинателя новой китайской литературы. Им были переведены «Юный румянец» и «Император Цан Лун» (Прожектор, Шанхай, 1931); «Господин Кун» (Парус, Шанхай, 1932); «Завтра» (Врата, Шанхай, 1934). Как видно, русских писателей-эмигрантов привлекала не только китайская древность, но и творчество писателей-современников. Скорее всего, это также были двойные переводы (М. Щербаков свободно владел французским языком). Проблемы современной китайской культуры будут освещены им как переводчиком в работе Чань Юэнь Е («Проблемы китайского театра», Шанхай, 1931).

Переводы Лу Синя и Чань Юэнь Е, сделанные Щербаковым (пусть даже двойные переводы), свидетельствуют не только об интересе русских писателей к древней китайской традиции, но и об их внимании к современным тенденциям в китайской культуре и литературе, стремлении связать древность и современность Китая воедино.

Обратим внимание, что процессы металитературной рецепции китайской культуры с начала 1930-х гг. активизируются в Шанхае – там русские беженцы получают возможность соприкоснуться с китайской ученостью напрямую, соотносить свой интерес к Китаю с интересом других европейцев, побывавших в этом азиатском Вавилоне.

Эта специфическая сторона культурной жизни русского Шанхая способствовала появлению совершенно оригинальных с точки зрения металитературной онтологии произведений. В первую очередь речь идет о романах Г. Кочурова «Ли Чжоу» (1939) и «Последняя китайка» (1941), определяемых писателем как «романы из китайской жизни» [Кочуров, 2005а; 2005б]. История создания произведений и сама биография писателя до сих пор остаются малоизученными. Известно только, что Герман Кочуров был участником Японо-китайской войны, в 1920-е жил в Харбине, в 1930-е – в Шанхае. Публиковался в журнале «Прожектор». В 1936 г. выпустил в Шанхае посвященный памяти отца сборник подражательно-модернистских стихотворений «Искры под пеплом». Борис Кочуров (отец) был обозначен на обложке и титульном листе и как автор книги. В 1936 г. в шанхайском издательстве «Колокол» вышел нашумевший роман «Иви» с подзаголовком «эротический роман». В 2021 г. в частном интернет-издательстве Salamandra P.V.V. вышло переиздание романа [Кочуров, 2021].

В романе Я. Ловича (Дейча) «Шанхайцы» (1949) Г. Кочуров описан как заведующий притона-«героинки»; вполне вероятно, что это описание, отнесенное к декабрю 1941 г., – свидетельство последних месяцев жизни писателя:

Встали с лежанки и другие: какое-то подобие женщины, босяк с подбитым глазом, человек с одной рукой, подросток с такой тонкой шеей, что было удивительно, как на ней держится голова, рябой татарин в одном нижнем белье. Одна фигура продолжала лежать.

– А это кто? – спросил Фоменко.

– Это писатель, – широко, иронически улыбнулся казак. – Герман Кочуров. «Иви» читали? Или «Последнюю китайку»?

– Что-то слышал...

– Вот это он самый и есть. Сейчас болен, вставать не будет. Думаю – не сыпняк ли? Тут у нас вшей-то – как на фронте [Лович, 2022, с. 148].

Авторское примечание к этому фрагменту гласит, что Кочуров «впоследствии умер от курения героина», почти завершив новый роман из шанхайской жизни. Это произведение не было обнаружено.

Для начала обратимся к роману «Иви: эротический роман». Долгое время произведение не было доступно русскому читателю – отсутствовало и в российских архивах, и в библиотеках. Вероятно, по счастливой случайности произведение было обнаружено в частной коллекции и опубликовано в 2021 г. в интернет-издательстве «Salamandra». В настоящее время роман доступен на сайте издательства.

В центре нашумевшего в «русском Китае» эротического романа Г. Кочурова «Иви» (1936) красавица Ивина, плод преступного генетического эксперимента живущего в Китае гениального ученого-англичанина Райда, «дочь сумасшедшего авантюриста и развратной полубезумной китайской проститутки». Иви не ведает, какую угрозу несет для нее собственное тело: пробуждение любви и чувственности может обернуться для нее утратой разума, что в последствии и случилось. Действие романа происходит в разных городах Китая: Кантоне и его окрестностях, Шанхае, Гонконге, Пекине, Циндао. В произведении нашла отражение жизнь богатых европейцев в Китае, проживающих там в период кардинальных политических трансформаций 1920–1930 гг.

Композиция произведения основана на соположении повествования о жизни Ивины и большого объема этнографического материала.

По своей жанровой природе, сюжету, нелинейному, а порой и фрагментированному повествованию в духе «потока сознания» произведение отсылает нас к английскому модернистскому роману первой четверти XX в. Неслучайно и главные герои романа – англичане. Несмотря на хаотичность изложения, для нас роман интересен с точки зрения художественной этнографии: подробные описания материальной культуры, повседневного быта китайцев, обрядов перехода (похороны), ритуалов поклонения предкам, китайского театра, вплетенные в текст китайские легенды, сведения о системе образования, эмансипации женщин, о социальном устройстве, подробные описания Шанхая, Пекина, Гонконга, Кантона, Циндао и т. д. Писатель описывает это с фактографической точностью, играя на контрастах «своего» и «чужого», показывая глубину собственного знания и интереса к Китаю, что и представляет огромную ценность для нашего исследования.

Описания Кантона словно погружают нас в этот город 1920–1930-х гг., давая понимание особенностей проживания в нем европейцев. К тому же писатель, живя бок о бок с местным населением, неплохо разбирался в политических и этнических процессах:

В этом древнем, необычайно густом городе было совсем мало европейцев.

Несколько десятков, и вся их жизнь сконцентрировалась в деловом квартале Шамина и полиции. Им было трудно жить в этом, постоянно кипевшем в огне военных вспышек, городе; законы против них были жестокие и престиж европейцев, как и их безопасность, в полной мере зависели от длинных жерл 12-ти дюймовых орудий, неподвижно глядевших на берега Южного моря.

Китайцы ненавидели европейцев, они слишком хорошо запомнили свои столкновения с ними; отступив из-за собственной слабости, потеряв несколько сот кв. километров городских земель, затаили глухую ненависть к белым пришельцам.

Уже двенадцать лет доктор жил в красивом белом доме, который стоял на небольшом возвышении; отсюда хорошо был виден необъятный город. Этого места боялись все окружающие. Вокруг были простые люди, большей частью крестьяне, мелкие ремесленники и торговцы. Кроме понятной боязни перед незнакомым пришельцем, примешивалась еще боязнь перед жизнью этого странного дома.

Он стоял на противоположной стороне канала; на другой возвышались красивые постройки Шамина. В ста метрах от лечебницы через канал изгибался крутой мост, загороженный решеткой, соединяющий Шамин с городом ¹ [Кочуров, 2021, с. 13].

Он бродил по узким, сдавленным, грязным улочкам громадного города, среди невообразимой толкотни базаров и уличных театров, вбирая шум чужой толпы. Он проходил по Ши-ки и несколько дней обходил громадный Хо, где десятки тысяч сампанов годами стояли на якорях и некоторые давно вросли в мелкое дно. Это был громадный плавающий город, там жило более ста тысяч человек, и на легких настилах над водой поднималось целое море хижин из жердей, соломы и тростника; там целые столетия рождались и проживали свою жизнь [Там же, с. 17].

Как всякий китайский город, Кантон тонул в иллюминации и фонарях; только земля европейцев была всегда погружена во мглу. Громадные каменные здания,

¹ Здесь и далее особенности орфографии и пунктуации источника сохранены.

окаймлявшие Вей-о и Банд, стояли застывшими, покоренные пряностью душистой ночи [Там же, с. 17].

Кочуров подробно описывает традиционные китайские праздники:

Шумные праздники: День Нового Года, когда улица наполняется шумом и оглушительным хлопанием ракет, когда дома украшаются разноцветными фонарями и празднество идет всю ночь и весь день; ликующий День Весны, память бесчисленных радостных процессий, страшных масок и драконов, когда молодежь бегаёт по улице на ходулях, разукрашенная в яркие одежды, грустный День Поминовения Умерших, когда то же озеро покрывается бумажными лодочками, которые, как волшебные тени, сгорая, исчезают вдаль [Кочуров, 2021, с. 20].

Неплохо писатель разбирается во внешних отличиях и этнических особенностях южных и северных китайцев:

Нежные и безобразные детские лица подростков; замечались плавные овалы местных южан и грубые жесткие маски обитателей далекого севера: Чжили, Шаньдуня и Маньчжурии....

Были лица широкоскулые, с выкатившимися глазами, дико горевшими каким-то злорадным удовлетворением, лица далекого Ху-бея и Ху-наня. Были южные, детские, с застывшими глазенками, о чем-то просящие. Были лица спокойные и задумчивые, – большей частью полукровок: они отличались красивыми и тонкими чертами и говорили многое старому доктору [Там же, с. 14].

Сан-лу-сян была полна северянами и даже язык здесь звучал чаще гортанным выговором севера, чем юга [Там же, с. 19].

Большое внимание писатель уделяет описанию религиозных святынь. Даосские и буддистские храмы привлекали его внимание. Очевидно, что Кочурова интересовала духовная жизнь китайцев, и он на контрасте «чужого» искал в ней что-то «свое». Например, детально, очень вообразимо описан Храм Неба в Пекине:

– Храм Неба, вспомнила мистрис Робэн, – м-р Шен, вы будете любезны... Храм Неба...

Осаждаемые толпой нищих у входа, они вошли за громадную стену, в парк.

Эта стена тянется на протяжении пяти километров. Она уже местами разрушена но постепенно реставрируется.

Священный покой старых деревьев окружил их. Длинные аллеи, как стрелы, широкие и аккуратные. Ярко-зеленые изумруды-газоны. Застыл мир. Опять крылья тишины невидимо веяли в воздухе. Сладко пахли растения. Кругом необъятная зелень.

Красивые террасы из белого мрамора. Храм молитвы простер в синее, лазурное небо тройную крышу, всю в ярких черепицах. Чарующая строгость линий, гармония цветов, гармония всего окружающего сквозит во всем: в роще деревьев, в земле, в цветах, которые пышно окружают храм. Здание все из дерева, кроме цоколя, который весь в ярких кирпичках того же цвета, что и черепица.

Наконец, Храм Неба. Его можно смотреть вечно и каждый раз находить в нем что-нибудь новое.

Алтарь Жертв. Окруженный длинной стеной. Императорский навес у подножия. Пол странного цвета; к его плитам прикреплены знамена и фонари. Четыре узкие лестницы пересекают кругообразную террасу.

– Здесь, на этой лестнице, наши императоры совершали свои обряды. Помимо своего высочайшего титула, они еще считались и главными Верховными Священ-

никами. Три раза в год здесь совершались необычайно красивые церемонии, яркость которых гораздо впечатлительнее католических и православных обрядов. У последних строгость, у нас душевное смирение и мягкость. Там серьезность и сосредоточенность, здесь важность. У вас скрытые мысли и торжественность, здесь открытые молитвы небу, у которого спрашивают советов.

Да, к небу, – мистер Шен говорил внимательно, с серьезным лицом, очевидно, стараясь этими немногими словами подчеркнуть разницу.

У вас к Богу, у нас к Небу. Вы молитесь, чтобы Бог защитил вас, спас от бедствия, – здесь вступают с небом в тесное общение. Бог европейцев защищает и помогает вам сделать то или другое. Осмысленное Существо, одаренное необычайным разумом. Наш Бог, это Бог Естества, весь видимый Мир, это Небо, все звезды, солнце, луна, голубые небеса, горячая плодоносная земля [Кочуров, 2021, с. 184].

Этнографическая нить очень аккуратно вплетена в канву всего романа. У читателя создается ощущение, что главными являются не собственно сюжет романа, а именно этнографические заметки, на которые как бы «сверху» нанизывается художественное действие.

На основе романа «Иви» в будущем можно провести отдельное исследование образа восприятия женщины (очевидно, писатель неплохо разобрался в женской натуре), китайских городов, религиозных объектов и традиций.

Совсем другими с точки зрения жанровой природы представлены последующие романы Г. Кочурова «Ли Чжоу» (1939) и «Последняя китайка» (1941). Произведения целиком погружены в жизнь южного Китая, в фокусе его изображения – обычный человек в своем повседневном бытии. Роман «Ли-чжоу» назван по имени главного героя – бедняка-торговца, ставшего впоследствии богатым и уважаемым человеком. Действие происходит в Шанхае и его окрестностях. В произведении нашла отражение жизнь самых разных социальных слоев Китая в период кардинальных политических трансформаций (описываются события 1920–1930-х гг.). Писатель размышляет о многообразии проблем китайского общества, о судьбе «маленького человека». Художественная идея романа довольно проста: из обычного работяги, которого пятилетним бросила мать, которому в юности не на что было даже похоронить отца, и его гроб целый месяц простоял, почерневший, на берегу канала, благодаря трудолюбию и упорству вырастает один из уважаемых и богатейших людей Шанхая. Эта сюжетная линия развивается на фоне внутренних раздумий и воспоминаний героя и подробного описания жизни простых китайцев: бедняков, крестьян, торговцев, чиновников и т. д.

Композиция произведения основана на соположении глав из жизни Ли-чжоу с главами о трагической судьбе его возлюбленной Фун-ин. Бытовые подробности жизни традиционных китайцев, их привычки и традиции, включенные в роман, весьма познавательны для европейца.

Особый интерес вызывает жанровая природа произведения. Произведение словно написано двумя разными людьми либо соединяет в себе два произведения. Роман с подзаголовком «роман из китайской жизни» предваряет многозначительный эпиграф: «Я не хотел бы, чтобы этот печальный рассказ Китая был последним...». Далее следует пространное лиризованное вступление, где резюмируются итоги жизни героя: «...Так и прошли его годы, сухие и запекшиеся твердой корой денег, ценных бумаг и фруктов, – так запекаются губы далеко и долго идущего человека, – беспечальные и безрадостные, как капли винограда похожие; полные

тяжелой мысли и широкой однообразной работы...» [Кочуров, 2005а, с. 164]. Воспринимающее сознание «спотыкается» о необычность сравнений и сложный рисунок параллельных конструкций – метафорика и поэтический синтаксис текста сразу настраивают русскоязычного читателя на инокультурный контекст.

Повествовательная организация романа «Ли-чжоу» напоминает китайский роман конца XIX – начала XX в., соединяющий в себе повествование в духе критического реализма и лиризованные фрагменты (как рудименты традиционных стихотворных форм, включенных в классический роман) [Петров, 1991; Карапетьянц, Тань Аошуан, 2001].

Синтаксическая организация художественного языка романа «Ли-чжоу» также заставляет задуматься, не является ли произведение переводом с китайского. Китайский язык – изолирующий топиковый язык с предикативным характером связи. В построении синтаксических периодов романа мы обнаруживаем необычную для русского языка, но характерную для китайского литературного языка конца XIX – начала XX в. прагматику – *вэньянь* в сочетании с *байхуа* [Зограф, 1990]. Рассмотрим несколько примеров.

1. Для книжного языка *вэньянь* отсутствие подлежащего является нормой. Это происходит потому, что подлежащее, выражаемое в русском языке (или даже в *байхуа*) местоимением третьего (иногда и первого лица) или указательным местоимением, в *вэньяне* никак не выражается [Карапетьянц, Тань Аошуан, 2001, с. 25]:

Затуманенным взором смотрел на узкую ленту дорог, низко сидящих с ворохами соломы и теперь горевшими на солнце золотыми искрами. Как и раньше. Стоял в четырех шагах от моста. И под ногами снова ощущал рыхлую мягкую вместо твердого, как железо покатога склона [Кочуров, 2005б, с. 339].

2. Предложения наличия с глаголами 有 *уо́и* «иметь», 無 *мо́* / 没有 *тэ́йуо́и* «не иметь» на русский язык лучше передавать глаголом «быть» [Карапетьянц, Тань Аошуан, 2001, с. 35]. В романе «Ли-чжоу» предложения наличия написаны по китайскому образцу: «И также имел лодку и хижину» [Кочуров, 2005а, с. 164]; «В этой стороне земли, где живут люди из чужих стран. Много имеют. И имеют лучших богов» [Там же, с. 164]; «Я не имею ни хорошей жены, ни денег. Ты не будешь иметь мужа» [Там же, с. 171] и т. д.

3. Неопределенность границ предложения – еще одна особенность *вэньяня* [Карапетьянц, Тань Аошуан, 2001, с. 33] – широко представлена в романе:

В пятнах резких мужских лиц, точеных головок женщин, сладкого бездумия чистых детских глаз, под мелькающим вихрем огневых вывесок, пляшущих в темном, густом саване ночи, бежало сознательно считавшее себя осмысленным, существо, именуемое человеком – крошечная материальная мозговая частица, сумевшая вобрать в себя силу желания и чувства соседних подобных частиц – силу, окутанную такой же крошечной и материальной, но бесконечно сильнейшей частицей-амфибией, денежной единицей серебра, – чудилась страшная тень нищеты и безнадёжности, чудовищной человеческой уживчивости [Кочуров, 2005б, с. 171].

Те же художественные особенности повествовательной стратегии мы обнаруживаем и в романе «Последняя китайка» (1941). Здесь стиль автора становится более совершенным, в романе уже не столь явна дискурсивная разноголосица.

Тем не менее жанровая природа романа «Последняя китайка» снова обращает читателя к традиции китайского романа [Сенина, 2018, с. 145–153].

Можно предположить, что Кочуров, осуществляя столь художественно выполненные стилизации в стиле *вэньянь*, должен был хорошо знать китайский язык и прекрасно владеть книжной культурой Китая. Написать такие романы, не зная традиционной синтаксической и морфологической структуры китайского языка, не владея базовыми теоретическими основами китайского языка, не чувствуя стилистических особенностей китайской художественной речи, на наш взгляд, практически невозможно. Потому в контексте нашего исследования романы «Ли-чжоу» и «Последняя китайка» рассматриваются как мастерские стилизации либо гибридные стилизованные формы – синкретические соединения собственно авторского повествования и переводных фрагментов. С точки зрения металитературной рецепции данный путь проникновения в китайскую культуру и создания образа восприятия Китая представляется оригинальным и весьма плодотворным для русской литературной традиции.

Анализ процесса металитературной рецепции китайской культуры русскими писателями-эмигрантами позволяет сделать вывод о том, что богатейший арсенал китайской литературной традиции, образности, сюжетики, безусловно, обогатил литературу русского Китая, придал ей не просто экзотический колорит, а убедительную фактурность и лаконичность в лирике, а в прозе продуцировал специфические повествовательные стратегии.

Историческая и географическая логика развития культурной жизни дальневосточной эмиграции определяла то, что металитературная рецепция китайской традиции началась в Харбине с лирики, а завершилась в Шанхае созданием столь сложных жанровых образований, как гибридная форма стилизованного романа. Подобный опыт металитературной рецепции китайской культуры был, безусловно, более плодотворным, соединил в образе литературного Китая древность и современность с точки зрения самих китайцев и восприятие Китая европейцами.

Список литературы

Бузев О. А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока в национальном процессе XX века: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2013. 381 с.

Долинин К. А. Стилизация // Литературный энциклопедический словарь / [подгот. Е. И. Бонч-Бруевич и др.]; под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М., 1987. 750 с.

Забяко А. А. «Живая муза с узкими глазами»: Китай и китайцы в харбинской лирике // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А. П. Забяко. Благовещенск: АмГУ, 2015а. С. 181–195.

Забяко А. А. Китайская философия, регионализм и теософия: «Лаконизм» А. Ачаира // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А. П. Забяко. Благовещенск: АмГУ, 2015б. С. 196–222.

Забяко А. А. От этнографических повествований – к беллетристике: М. В. Щербаков, Б. М. Юльский, А. И. Несмелов // Русский Харбин: опыт жизнестрои-

тельства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А. П. Забияко. Благовещенск: АмГУ, 2015в. С. 306–335.

Забияко А. А. Синолог и этнограф П. В. Шкуркин: образ хунхузов и хунхузничества в контексте социокультурных трансформаций и междивизиационных контактов на северо-востоке Китая в XIX–XX вв. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: АмГУ, 2015г. Вып. 11. С. 186–196.

Забияко А. А., Эфендиева Г. В. Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии: Монография. Благовещенск: АмГУ, 2009. 352 с.

Зограф И. Т. Официальный взънянь. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. 342 с.

Карпетьянц А. М., Тань Аошун. Учебник классического китайского языка взънянь. Начальный курс. М.: Муравей, 2001. 432 с.

Кочуров Г. Б. Иви: Роман. [Б. м.]: Salamandra P.V.V., 2021. 198 с.

Кочуров Г. Ли-чжоу. Роман из китайской жизни // Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. / Гл. сост. Ли Янлен. Пекин: Изд-во «Китайская молодежь», 2005а. Т. 8: Я береза России. С. 164–344.

Кочуров Г. Последняя китайка. Роман из китайской жизни // Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. / Гл. сост. Ли Янлен. Пекин: Изд-во «Китайская молодежь», 2005б. Т. 8: Я береза России. С. 5–161.

Ли Иннань. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русский Харбин, запечатленный в слове: Сб. науч. работ / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. Благовещенск: АмГУ, 2009. Вып. 3. С. 19–32.

Лович Я. Л. Шанхайцы: Роман. М.: Престиж Бук, 2022. Т. 1. 432 с.

Петров В. В. Китайская литература [второй половины XIX в.] // История всемирной литературы: В 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1991. Т. 7. С. 675–684.

Сенина Е. В. Мегалитературная рефлексия китайской культуры в творчестве дальневосточных эмигрантов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 145–153.

Сенина Е. В. Яков Аракин: «Недаром жил» (автобиография) // Русский Харбин, запечатленный в слове. Благовещенск: АмГУ, 2021. С. 133–146.

Серебренникова А. Н., Серебренников И. И. Цветы китайской поэзии. Тяньцзин, 1938. 168 с.

Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиографический словарь. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000. 358 с.

Шкуркин П. В. Китайские легенды. Харбин: Тип. г-ва «ОЗО», 1921. 160 с.

Щербаков М. Шанхайские миниатюры // Балтийский альманах. 1924. № 2. С. 48–49.

Эфендиева Г. В., Пышняк О. Е. Валерий Перелешин и его опыт стихотворного перевода древнекитайского трактата «Дао дэ цзин» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 4 (44). С. 137–140.

References

- Buzuev O. A. Literatura russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka v natsional'nom protsesse XX veka [Literature of the Russian Abroad in the Far East in the national process of the 20th century]. Monograph. Komsomolsk on Amur, AmGPGU Press, 2013, 381 p. (in Russ.)
- Dolinin K. A. Stilizatsiya [Stylisation]. In: Literary Encyclopaedic Dictionary. Moscow, 1987, 750 p. (in Russ.)
- Efendieva G. V., Pyshnyak O. E. Valeriy Pereleshin i ego opyt stikhotvornogo perevoda drevnekitayskogo traktata "Dao de tszin" [Valery Pereleshin and his experience of verse translation of the ancient Chinese treatise "Tao De Jing"]. *The Humanities and Social Studies in the Far East*, 2014, no. 4 (44), pp. 137–140. (in Russ.)
- Karapetyants A. M., Tan Aoshuan. Uchebnik klassicheskogo kitayskogo yazyka ven'yan'. Nachal'nyi kurs [Wenyang Classical Chinese Textbook. Elementary course]. Moscow, Muravei Publ., 2001, 432 p.
- Khisamutdinov A. A. Rossiyskaya emigratsiya v Aziatsko-Tikhookeanskom regione i Yuzhnoi Amerike: Bibliograficheskii slovar' [Russian Emigration in Asia-Pacific and South America: A Bibliographical Dictionary]. Vladivostok, FESU Press, 2000, 358 p. (in Russ.)
- Kochurov G. B. Ivi: Roman [Evie: A Novel]. S. e., Salamandra P.V.V. Publ., 2021, 198 p. (in Russ.)
- Kochurov G. Li-chzhou. Roman iz kitayskoy zhizni [Li-chou. A novel of Chinese life]. In: Literature of Russian emigrants in China. In 10 vols. Pekin, Kitayskaya molodezh' Publ., 2005, vol. 8, pp. 164–344. (in Russ.)
- Kochurov G. Poslednyaya kitayanka. Roman iz kitayskoy zhizni [The Last Chinese Woman. A novel of Chinese life]. In: Literature of Russian emigrants in China. In 10 vols. Pekin, Kitayskaya molodezh' Publ., 2005, vol. 8, pp. 5–161. (in Russ.)
- Li Innan. Obraz Kitaya v russkoy poezii Kharbina [Image of China in Russian poetry of Harbin]. In: Russian Harbin, captured in the word. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2009, vol. 3, pp. 19–32. (in Russ.)
- Lovich Ya. L. Shankhaytsy [Shanghai people]. Novel. Moscow, Prestizh Buk, 2022, vol. 1, 432 p. (in Russ.)
- Petrov V. V. Kitaiskaya literatura [vtoroi poloviny XIX v.] [Chinese literature [second half of the 19th century]. In: History of World Literature. In 8 vols. Moscow, Nauka, 1991, vol. 7, pp. 675–684. (in Russ.)
- Senina E. V. Metaliteraturnaya refleksiya kitaiskoi kul'tury v tvorchestve dal'nevostochnykh emigrantov [Meta-literary reflection of Chinese culture in the works of Far Eastern emigrants]. *The Humanities and Social Studies in the Far East*, 2018, no. 1, pp. 145–153. (in Russ.)
- Senina E. V. Yakov Arakin: "Nedarom zil" (avtobiografiya) [Yakov Arakin: "I did not live in vain" (autobiography)]. In: Russian Harbin, captured in the word. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2021, pp. 133–146. (in Russ.)
- Serebrennikova A. N., Serebrennikov I. I. Tsvety kitaiskoi poezii [Flowers of Chinese poetry]. Tyantszin, 1938, 168 p. (in Russ.)
- Shcherbakov M. Shankhaiskie miniatyury [Shanghai Miniatures]. *Baltiyskiy al'manakh*, 1924, no. 2, pp. 48–49. (in Russ.)

Shkurkin P. V. Kitaiskie legendy [Chinese legends]. Kharbin, Tipografiya g-va OZO Publ., 1921, 160 p. (in Russ.)

Zabiyako A. A. “Zhivaya muza s uzкими glazami”: Kitai i kitaitsy v kharbinskoi lirike [“A living muse with narrow eyes”: China and the Chinese in Harbin lyrics]. In: Russian Harbin it’s the life experience of the Russian diaspora in China. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2015, pp. 181–195. (in Russ.)

Zabiyako A. A. Kitaiskaya filosofiya, regionalizm i teosofiya: “Lakonizmy” A. Achaira [Chinese Philosophy, Regionalism and Theosophy: A. Achair’s Laconisms]. In: Russian Harbin it’s the life experience of the Russian diaspora in China. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2015, pp. 196–222. (in Russ.)

Zabiyako A. A. Ot etnograficheskikh povestvovaniy – k belletristike: M. V. Shcherbakov, B. M. Yulsky, A. I. Nesmelov [From ethnographic narratives to fiction: M. V. Scherbakov, B. M. Yulsky, A. I. Nesmelov]. In: Russian Harbin it’s the life experience of the Russian diaspora in China. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2015, pp. 306–335. (in Russ.)

Zabiyako A. A. Sinolog i etnograf P. V. Shkurkin: obraz khunkhuzov i khunkhuznichestva v kontekste sotsiokul’turnykh transformatsii i mezhsivilizatsionnykh kontaktov na severo-vostoke Kitaya v XIX–XX vv. [Sinologist and ethnographer P. V. Shkurkin: the image of Hunghuz and Hunghuznichestvo in the context of socio-cultural transformations and inter-civilisational contacts in the north-east of China in the 19th – 20th centuries]. In: Russia and China on the Far-Eastern Borders. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2015, vol. 11, pp. 186–196. (in Russ.)

Zabiyako A. A., Efendieva G. V. Mezh dvukh mirov: russkie pisateli v Man’chzhurii [Between Two Worlds: Russian Writers in Manchuria]. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2009, 352 p. (in Russ.)

Zograf I. T. Ofitsial’nyi ven’yan’ [Official wenyuan]. Moscow, Nauka, 1990, 342 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Екатерина Владимировна Сенина, кандидат филологических наук

Information about the Author

Ekaterina. V. Senina, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 13.05.2025;
одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 22.05.2025
The article was submitted on 13.05.2025;
approved after reviewing on 22.05.2025; accepted for publication on 22.05.2025*